

РАЗДЕЛ V. ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ И СТРАНОВЕДЕНИЕ

ББК 83. 3(0)4

УДК 81'373. 21=11

Н. В. Беленов¹,

*Самарский государственный социально-
педагогический университет
belenov82@gmail.com*

РУССКИЕ ЛЕТОПИСИ КАК ИСТОЧНИК ПО ТОПОНИМИИ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ

В данной статье рассматриваются русские летописные своды в контексте их использования как источника сведений по топонимии Среднего Поволжья. Приводится ряд русских летописных топонимов для данной территории, а также рассматриваются их этимологии – с привлечением как летописного материала, так и данных языков народов Поволжья.

Ключевые слова: топонимика, русские летописи, Среднее Поволжье, этимология, Бряхимов, Иссады, Хомолы, Цевца

Русские летописи – ценнейший источник для исследователей различных аспектов древней и средневековой истории Восточной Европы. Не является в этом смысле исключением и топонимика. Топонимический материал, представленный в данных источниках, отличается разнообразием и, более того, содержит ряд обоснованных топонимических этимологий, как, например, в случае с гидронимом Орель в Ипатьевской летописи: «И стояша на месте, нарицаемом Ерел, его же Роусь зовёт Оуголь» [5. 133]. В данном случае летописец фиксирует калькирование русскими тюркского (по-видимому, собственно половецкого) названия реки Орели, что впоследствии позволило М. Фасмеру уверенно этимологизировать данный гидроним от тюркского «äirili» – «кривой, изогнутый» [12. 1307]. При этом, разумеется, в центре внимания летописцев была топонимия Руси и прилегающих территорий, поэтому Поволжье, как правило, в ранних

¹ Беленов Николай Валерьевич, кандидат педагогических наук, доцент кафедры ИКТО, Самарский государственный социально-педагогический университет

летописях освещается слабо, а топонимическая информация по этому региону минимальна. Позднее, по мере расширения влияния русских князей на восток и формирования Ростово-Суздальского центра летописания, ситуация начинает меняться: территории Среднего Поволжья, вместе с местными географическими названиями, всё чаще попадают на страницы русских летописей. В отличие от арабо-персидской географической литературы, в которой – в силу ряда историко-культурных факторов – топонимия данной территории освещена полнее, русские летописи выгодно отличаются тем, что передача географических наименований в них подвержена значительно меньшим искажениям и допускает существенно меньше разночтений, чем арабо-персидские. При этом надо также отметить, что многие летописные топонимы, относящиеся к интересующему нас региону, трудно интерпретируемы и локализуемы. Надо отметить ещё одну особенность, присущую рассматриваемому материалу. Так, часть топонимов приводится русскими летописцами на языке оригинала, а другие являются русскими по форме. В подавляющем большинстве случаев невозможно определить, являются ли они таковыми по происхождению или представляют собой смысловые кальки (либо точные переводы) иноязычных названий на русский язык. Также остаётся неясным и источник подобных переводов: появились ли они в русской этноязыковой среде в процессе освоения новых территорий, либо являются книжными, выполненными самим летописцем.

Рассмотрим основные летописные мотивы, в ходе которых мы, в основном, получаем информацию по топонимии интересующего нас региона. Главные сведения такого рода фигурируют в русских летописях при описании военных походов русских войск против Волжской Булгарии и впоследствии против Казанского ханства. Наиболее масштабными и получившими освещение в целом ряде летописей походами на волжских болгар явились поход 1183 года Всеволода Большое Гнездо, во время которого русские осаждали Биляр, и поход Святослава Всеволодовича 1220 года, во время которого был уничтожен один из крупных болгарских городов – Ошель. В остальных случаях, даже при сравнительно крупных военных экспедициях в земли волжских болгар, летописцы, как правило, ограничиваются названием количества взятых болгарских сёл и городов, часто не приводя ни единого названия. Тем не менее, крупницы топонимических сведений даже в таких летописных сообщениях весьма ценны, как мы увидим это применительно к описанию похода Андрея Боголюбского на болгар в 1164 году. Особняком стоит Казанская летопись неизвестного

автора, проведшего длительное время в татарском плену (по ряду источников, этим автором являлся священник Иоанн Глазатый), основное повествование которого разворачивается вокруг Казанского ханства и сопредельных земель.

Рассмотрим этимологии нескольких летописных топонимов, связанных с территориями Среднего Поволжья.

Бряхимов. Город с таким названием у волжских болгар упоминается в русских летописях [9, 110]. Распространено мнение о том, что этот город идентичен с Булгаром или с каким-либо другим известным городом Волжской Булгарии, в котором на момент летописного сообщения правил эмир Ибрагим. В частности, такого мнения придерживается известный казанский исследователь истории волжских болгар, в том числе, их градостроительной культуры, Ф. Ш. Хузин [11, 142]. В этой связи интересно отметить, что Р. Г. Фахрутдинов, ссылаясь на данные Переяславль-Суздальской летописи, сообщает, что там город упомянут под названием «Ибряхимов», что является, конечно, серьёзным аргументом в пользу данной концепции [13, 98]. Однако, существует и иная точка зрения, согласно которой Бряхимов или Ибрагим-город локализуется поблизости от современного Нижнего Новгорода. Чрезвычайно важная информация содержится в Сказании, посвящённом походу на болгар князя Андрея Боголюбского. Согласно этому источнику, город Бряхимов располагался на Каме, то есть не мог являться ни Болгаром, ни Биляром. К слову, это не единственный источник, указывающий на прикамскую локализацию Бряхимова.

Так, в Пискаревской летописи находим: «Того же лета (6672 – Н. Б.) ходи князь Андрей Юрьевич на Болгары съ сыно[м] своим Изяславом и з братом своим Ярославом и с муромским князем Юрьем и з собою ношаху икону святыя Богородица чюдотворную. Се же новое чюдо сотвори Богъ и святая Богородица: землю их взяша и славны град их Бряхимов и иных три грады, а самих иссекоша и полон многъ взяше, и отъидоша с победою» [8, 202]. На невозможность отождествления Бряхимова с известными болгарскими городами указывает и тот факт, что в данной летописи эти города упоминаются под известными названиями (Биляр, скорее всего, как Великий или Велий город) и никогда под именем Бряхимова. Все эти данные красноречиво свидетельствуют о том, что под Бряхимовым нельзя подразумевать ни один из известных под другими названиями болгарских городов. В то же время единичные упоминания в источниках не позволяют видеть в нём крупный центр. Скорее всего, Бряхимов был центром

одного из болгарских княжеств, на определённом этапе истории игравшем существенную роль в жизни болгарских земель. Является ли название города производным от имени Ибрагим или представляет собой русскую кальку с какого-то болгарского слова – на основе имеющихся на сегодня данных сказать сложно. Ценным свидетельством, с указанием местоположения города на берегу реки Камы, является упоминание о нём в Казанской истории: «Бысть же на Каме на реке старый град, именован Брягов..» [4, 7]. После истории о возникновении города Казани в том же источнике содержатся следующие интересные сведения относительно рассматриваемого города: «..и бысть Казань стольный град вместо Брягова» [4, 9]. Здесь указывается, что Брягов был не только старейшим городом, но и столичным. Такое видение, очевидно, используется в качестве аргумента сторонниками отождествления Брягова/Бряхимова с Булгаром либо Биляром. Однако, на наш взгляд, речь здесь идёт о «столичности» применительно к прикамскому региону Волжской Булгарии – то есть о том, что первенство в данном княжестве перешло от Бряхимова к новооснованной Казани. Характерно, что в Казанской истории сказание об основании Казани Саином Булгарским из Бряхимова приурочивается ко времени после походов Андрея Боголюбского – к 6685 году. Вполне логично, что на смену разорённого регионального центра приходит новый, с более выгодным стратегическим местоположением. Показательно, что следующее упоминание города в источниках относится только к XVI веку – приведённое нами сообщение из «Казанской истории», – и носит исторический характер. Всё вышесказанное, на наш взгляд, подтверждает истинность сообщения Казанского летописца, как по логике событий, так и по их датировке. Упоминаем об этом ввиду того, что этот фрагмент подвергался сомнениям, главным образом, из-за имени болгарского правителя. Дело в том, что именем Саин называли монгольского хана Батюя, который, естественно, к основанию Казани отношения не имел. Однако, надо заметить, что в Улусе Джучиевом, а впоследствии и в Казанском ханстве, добавление к имени правителя прозвища Батюя стало своего рода показателем его величия. Пробывший долгое время в казанском плену автор «Казанской истории» вполне мог перенять эту традицию. В таком случае в Саине Болгарском логично видеть не хана Батюя, а некоего болгарского эмира, значительность которого автор подчеркнул таким, типичным для его времени, эпитетом [2, 139].

Иссады. Место на Волге (или на Каме?), упоминаемое в русских летописях, применительно к походам русских князей на волжских

булгар. Современными исследователями, как правило, локализуется недалеко от Камского Устья – но это, скорее, дань традиционному подходу к картине русских походов на булгар. При этом неясно, имеется ли при этом в виду летописцами какое-то конкретное место с подобным собственным именем, на что наводит написание его с прописной буквы, либо же это нарицательное обозначение удобных мест для высадки. На второе предположение, как будто, указывает сообщение летописца Переславы Суздальского о кончине княжича Изяслава после ранения стрелой под Великим городом (в данном случае – Биляром): «И поиде опять к насадомъ, и ту на исадех Богъ поя Изяслава» [7, 104]. То есть здесь содержится указание на место высадки русских ратей из ладей, причём летописец в одном месте счёл возможным слово «исады» заменить синонимом, чего не должно было бы делать, если бы он это слово считал именем собственным. Для сравнения, то же место в Симеоновской летописи: «И поиде опять к Исадамъ, и ту на Исадахъ Богъ поя Изяслава» [10, 198]. Здесь, напротив, летописец не только не использует синонимы, но и последовательно выводит слово «Исады» с прописной буквы.

Надо заметить, что ойконим Исады в Поволжье и Прикамье имеет некоторое распространение. Отдельные случаи его фиксации на севере – в Ленинградской и Вологодской областях, а также в Астрахани, по всей видимости, вторичны и лишь маркируют основные пути распространения топонима. К моменту составления В. И. Далема «Толкового словаря живого великорусского языка» топоним уже имел область распространения, близкую к современной. Итак, слово В. И. Далю: «Исад – (старинное «исада», в архангельском говоре «исадь», в пермском – «исады», в астраханском – «изсад») место высадки на берегу, пристань; торговая пристань, базар, где привоз разных припасов, рыбацья слобода, посёлок у берега» [3, 655]. Как видим, значение слова в XIX столетии хорошо вписывается в контекст летописных событий конца XII века. Наиболее приближенным к интересующей нас эпохе является село Исады Рязанской области на Оке, расположенное недалеко от села Старая Рязань. Оно упоминается в летописях уже в начале XIII века, причём название, судя по расположению села и археологическим изысканиям в его окрестностях, имеет тот же смысл – «удобное место для высадки, торговая пристань». Этот факт указывает, что подобные топонимы для Руси того времени – норма. Также ярко выражен их приволжский характер, что ясно свидетельствует о том, что перед нами либо русская калька с близкого по смыслу болгарского названия, либо изначально русский топоним, имеющий соответствующее региональное распространение. Учитывая, что торговые связи между Волжской Булгарией и Русью были достаточно

оживлёнными, а также археологически установленный факт постоянного проживания некоторой части русского населения в болгарских городах, существование русской топонимии в Среднем Поволжье того времени не выглядит фантастичным. Конечно, такие названия не могли быть многочисленными, являлись, скорее всего, узкоспециальными – к примеру, по категориям: торговля, рыболовство, и бытовали, преимущественно, в русскоязычной среде. Но именно таковым, судя по скудным летописным данным, и является рассматриваемый топоним «Иссады».

Хомолы. Данный топоним упоминается в русскоязычных источниках, как имеющий отношение к Волжской Булгарии. При этом, какой именно объект именовался «Хомолы» в источниках, к сожалению, не уточняется. С. М. Шпилевский, специально занимаясь данным вопросом, писал: «Затем Никоновская летопись и Татищев упоминают, что Всеволод Юрьевич в 1205 году послал судовую рать на болгар, ходили по Волге до Хомол» [14, 144]. Из приведённого фрагмента можно лишь с известной долей вероятности заключить, что Хомолы находились на Волге. Но что это было: остров, населённый пункт, урочище, примечательное место по течению реки – неизвестно. Того же мнения придерживается и В. А. Кучкин. Повторяя известия Никоновской летописи о походе 1205 года по Волге до Хомол, он заключает: «К сожалению, отождествить Хомолы с известным в настоящее время топонимом или гидронимом не удаётся, но во всяком случае борьба шла по берегам реки Волги» [6, 53].

Учитывая вышеизложенное, надеяться на быстрое и окончательное решение вопроса по данному топониму преждевременно. На данном этапе речь может идти лишь об осторожных гипотезах, требующих проверки. Со своей стороны, хотели бы обратить внимание на одно из названий Волжской Булгарии (или её части) в русских летописях – Серебряная. Таким образом, по нашему мнению, название рассматриваемого объекта может выступать дубликантом топонимов типа «нухрат/нукрат». Так, в чувашском языке одно из значений слова «кэмэл» – «серебро». Возможно, как и «земля серебряных болгар», Хомолы были для русских летописцев своеобразным ориентиром. В любом случае, данный вопрос нуждается в дальнейшей проработке, прежде всего, с привлечением топонимических данных по волжскому побережью.

Цевца. Название реки, территориально имеющее отношение к не менее туманному в плане локализации летописному топониму «Иссады». Один из самых загадочных гидронимов, упомянутых в русских летописях применительно к Среднему Поволжью. По ряду предположений, эту реку отождествляли с Бездной, Майной, Ахтаем и целой плеядой других значимых и совсем небольших рек. Общую

совокупность всех теорий по данному вопросу можно разделить на две группы: ориентирующихся на логику летописного повествования и принимающих во внимание, главным образом, фонетическое сходство с современными гидронимами. Однако, надо заметить, что большинство подобных отождествлений этимологически необоснованны, что признают и сами их авторы. Учитывая, что данная река протекала по болгарской территории (об этом красноречиво свидетельствуют летописи), предполагать славянское её название, как это делалось в ряде первых интерпретаций, нелогично. В лучшем случае, мы имеем здесь дело с адаптацией летописцами иноязычного названия к русскому языку с последующим его переосмыслением. Если принимать эту зыбкую во всех смыслах гипотезу, то из возможных вариаций можно предложить лишь диалектное «цевка», употребляемое обычно в смысле тонкой струйки или брызг, как правило, крови. Как будто, такое значение не противоречит названию небольшой речки или ручья. Впрочем, обращает на себя внимание тот факт, что на славянских землях подобных гидронимов не встречается. С другой стороны, предлагаемые другими исследователями для отождествления гидронимы в формах, близких нынешним, были известны ещё во времена ибн Фадлана, что и отражено в его «Рисалии». Предполагать же параллельное болгарское название для данной реки, означает впасть в область малообоснованных догадок. Итак, судя по всему, рассматриваемое название до наших дней не сохранилось, и сейчас этот объект (в случае, если сохранилась сама река, не превратившись в сухой овраг) известен под иным именем. Это тем более вероятно, что, судя по редчайшим упоминаниям в источниках, объект был невелик. Как мы уже заметили, скорее всего, гидроним стал известен русским в болгарской передаче. Попробуем истолковать его с позиций чувашского языка, заранее осознавая всю гипотетичность таких истолкований. Возможно, по-болгарски название речки звучало как «сав-шыв», то есть «полезная, благая вода», что в целом, не противоречит одной из болгарских гидронимических универсалий: сравните, например, у Н. И. Ашмарина этимологию лимнонима «Щербецкое озеро» [1, 160].

Литература

1. Ашмарин, Н. И. Болгары и чуваша / Н. И. Ашмарин. – Казань: Типография Императорского университета, 1902. – 192 с.
2. Беленов, Н. В. Топонимия Волжской Булгарии в этноисторическом контексте / Н. В. Беленов. – Самара: ООО Порто-принт, 2016. – 286 с.

3. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка / В. И. Даль. – М.: Олма-пресс, 2002. – 1284 с.
4. История о Казанском царстве // ПСРЛ. – Т. 19. – М.: Амфора, 2000 – 328 с.
5. Ипатьевская летопись // ПСРЛ. – Т.2. – СПб.: АРС, 1908. – 638 с.
6. Кучкин, В. А. О маршрутах походов древнерусских князей на государство волжских булгар в 12 – первой трети 13 в / В. А. Кучкин // Историческая география России 12 – нач.20 в. – М., 1975. – С. 49–93.
7. Летописец Переславля Суздальского (Летописец русских царей) // ПСРЛ – Т. 41. – М.: Изд-во Московского гуманитарного университета, 1995. – 296 с.
8. Пискаревский летописец // ПСРЛ. – Т. 34. – М.: Наука, 1978. – 333 с.
9. Радзивилловская летопись // ПСРЛ. – Т. 38. – М.: Наука, 1989. – 431 с.
10. Симеоновская летопись // ПСРЛ. – Т. 18. – СПб.: АРС, 1913. – 297 с.
11. Хузин, Ф. Ш. Булгарский город в X–начале XIII вв. / Ф. Ш. Хузин. – Казань: Мастер-лайн, 2001. – 477 с.
12. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка / М. Фасмер. – М.: АСТ, 2004. – 2850 с.
13. Фахрутдинов, Р. Г. Очерки по истории Волжской Булгарии / Р. Г. Фахрутдинов. – М.: Наука, 1984. – 216 с.
14. Шпилевский, С. М. Древние города и другие булгарско-татарские памятники в Казанской губернии / С. М. Шпилевский. – Казань: Университетская типография, 1877. – 445 с.

THE RUSSIAN CHRONICLES AS THE SOURCE
FOR THE TOPONYMY OF THE MIDDLE VOLGA REGION

N. V. Belenov

Abstract

This article discusses the Russian Chronicles in the context of their use as a source of information on the toponymy of the Middle Volga region. A number of Russian chronicles for the area is given, their etymologies using chronicles as well as the data of peoples' languages of the Volga region are considered.

Key words: toponymy, Russian history chronicles, middle Volga region, etymology, Bryahimov, Isady, Homoly, Tsevza